

**ПЛАНЕТА
ОБЕЗЬЯН
ВОЙНА**

ОТКРОВЕНИЯ

MAINSTREAM

представляет

книги из цикла **«ПЛАНЕТА ОБЕЗЬЯН»:**

Грег Кокс «Планета обезьян. Война»

**Грег Киз. «Планета обезьян. Война:
Откровения»**

«Планета обезьян: Истории Запретной зоны»

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРИКВЕЛ КИНОХИТА

ГРЕГ КИЗ

**ПЛАНЕТА
ОБЕЗЬЯН
ВОЙНА**

ОТКРОВЕНИЯ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
К59

Greg Keyes
WAR FOR THE PLANET OF THE APES: REVELATIONS
The Official Movie Prequel

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.
www.titanbooks.com

Перевод с английского *Светланы Резник*

Киз, Грег.

К59 Планета обезьян. Война : Откровения [фантастический роман] / Грег Кокс ; [пер. с англ.]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-17-104410-7

Изгнанные из своего лесного дома, Цезарь и его обезьяны все еще приходят в себя после переворота, устроенного обезьяной-изменником Кобой. Цезарь отчаянно пытается избежать войны с людьми, но это слабая надежда, так как его враги ждут военного подкрепления во главе с безжалостным полковником Маккалоу. Пытаясь сдержать солдат Маккалоу, Цезарь посылает своего сына, Голубоглазого, на юг, чтобы попытаться найти для обезьян безопасное убежище, несмотря на слухи об ужасных вещах, происходящих там. Между тем сторонники мятежа Кобы распространяют инакомыслие среди рядов Цезаря...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-104410-7

War for the Planet of the Apes™ & © 2017
Twentieth Century Fox Film Corporation All Rights Reserved.

ПРОЛОГ

Первая пуля Маккалоу поразила мальчишку. Джефферсон как раз закончил свое пространное повествование про бар на Алки-бич и самое дрянное пойло, которое ему когда-либо доводилось пить. Точку поставил выстрел снайпера, выбивший из рассказчика дух вон. Тут-то Маккалоу и увидел фигурку в сером плаще с капюшоном, скрывавшим лицо. В глаза ему уставилась черная дыра ружейного ствола.

Мысленно Маккалоу бывал здесь потом много раз. Временами он вовсе не нажимал на спусковой крючок, временами представлял, что промахивается, и мальчишка в дождевике успевает обернуться: круглые карие глаза, гладкие щеки, еще не знавшие бритвы. Но что бы он там себе ни воображал, каждый раз все оканчивалось одинаково: пулей и трупом, скорчившимся у бетонной стены. Капюшон сваливался, открывая удивленное, даже изумленное лицо. Мальчишке было не больше тринадцати.

Последние несколько месяцев в воздухе постоянно висела какая-то морось — не то туман, не то дождь. Верхушки небоскребов Сиэтла прятались в низких мохнатых тучах, по ночам с Каскадных гор спускалась промозглая марь и ползла по улицам, словно поток помоев. Перед давно опустевшим кафе все еще торчал рекламный

щит с накарябанным мелом меню: «суп дня» и жареный сыр. Когда-то яркие неоновые вывески давно потухли. Умиравший мальчик лежал рядом с витриной магазина допотопных игрушек. Какое-то время он смотрел на дыру у себя в груди, потом поднял глаза на Маккалоу. Тот открыл рот, вроде как собираясь сказать что-нибудь ребенку, только что?..

И тут разверзся ад. Маккалоу услышал свой крик, приказывающий людям бежать в укрытие, а вокруг падали зажигательные бомбы, воняющие скипидаром. Он повел стволом винтовки в сторону мужика — вперед и чуть правее. Тот уже два раза промахнулся, стреляя по Маккалоу из дробовика. Седая поросль на физиономии в сочетании с очками делали его каким-то безликим. Маккалоу тоже сделал два выстрела. Мужчина попятился было, но через два-три шага рухнул на кучу мусора и хвои, покрывавших улицу.

Следующий выстрел невидимого снайпера чиркнул Маккалоу по ребрам. Бронежилет защитил, но дыхание занялось от ужаса. Он нырнул за кирпичную стенку. Юная Форест уже была там и глядела своими широко распахнутыми глазами на Джефферсона. Если бы не дыра в груди, можно было подумать, что тот просто прилег полюбоваться медленно проползающими облаками. Маккалоу заметил, что рана была не от дробовика, а от мощной винтовки. Значит, ни мальчик, ни тип в очках Джефферсона не убивали.

— Форест! — рыкнул Маккалоу. — Хорош паяться, он помер. Мне нужно, чтобы ты засекала стрелка.

Она очумело взглянула на него, наконец узнала, и ее взгляд прояснился.

— Есть, сэр.

— Он застрелил Джефферсона, шедшего вторым, едва мы вывернули из-за угла. Значит, засел где-то между

третьим и одиннадцатым этажом. Сейчас я перебегу через улицу, он выстрелит, а ты смотри в оба.

— Но, сэр...

Не слушая ее возражений, он резко выдохнул и кинулся мимо тела Джефферсона через открытое пространство, которое, казалось, тянулось на несколько миль, хотя в действительности было не шире двадцати футов. Раздался уже знакомый свист пули из крупнокалиберной винтовки, но она его не задела. Маккалоу опять улыбнулась удача. Перекатившись по земле, он спрятался за давным-давно брошенным внедорожником. Рядом вновь пропела пуля снайпера.

Маккалоу оглянулся на Форест, прятавшуюся за стеной.

— Есть, сэр! Окно третьего этажа!

— А если гранатой?

Она прищурилась, прикидывая расстояние, затем кивнула.

— Можно, сэр.

— Окей, я тебя прикрою.

Он приподнялся, выглядывая сквозь окно с пассажирской стороны. Тут же по корпусу внедорожника ударила пуля. Досчитав до трех, Маккалоу вскочил и принялся нещадно палить по окнам третьего этажа. В одной из комнат кто-то метнулся, глухо бахнул гранатомет Форест. Из окна вырвалось оранжевое пламя, на мгновение мелькнул человеческий силуэт с раскинутыми в стороны руками, и все окончательно заволочло дымом.

Стычка на этом не закончилась, но дальнейшие воспоминания о ней смешались в горячке боя. Если бы так называемая «милиция» была подготовлена получше, двумя убитыми группа Маккалоу не отделалась бы. А вернее всего, никто из нее вообще не выжил бы. Но им противостояли не настоящие солдаты, а шайка сброда, случайно завладевшего оружием. Есть разница

между дисциплинированным римским легионером и варваром, беспорядочно размахивающим мечом. В какие-нибудь полчаса участок был зачищен.

Пацан был все еще жив, но опасности уже не представлял. Дробовик валялся на земле, пока его хозяин зажимал рану, из которой по каплям вытекала его душа.

Маккалоу постоял, наблюдая, пока мальчишка не умер.

Еще один. Он снова открыл рот, собираясь что-то сказать, но что тут скажешь-то? Правильных слов просто не существовало...

Маккалоу вздрогнул, осознав, что рядом с ним кто-то говорит. Слов было не разобрать, словно бубнило далекое радио.

— Чего надо?! — рявкнул он.

— Простите, полковник. — Слова сделались четкими, а голос — знакомым. Форест. — Вы приказали разбудить вас до рассвета, — устало произнесла она извиняющимся тоном, комкая в руке свой берет.

В жизни она выглядела старше, чем в его сне: в коротких вьющиеся волосах цвета воронова крыла проглядывали серебряные нити, у глаз и в уголках губ залегли морщинки. Судя по тому, как изменилась ее внешность, с того дня легко могло пройти не десять лет, а все двадцать. Впрочем, то же самое относилось и к нему самому.

Маккалоу вздохнул, проведя рукой по почти безволосой голове. Он валялся на койке в своей каюте на «Дедале», куда рухнул от усталости прямо в тельнике и камуфляжных штанах. Маккалоу поднялся, на его груди звякнули армейские жетоны.

— Есть что новое?

— Ничего важного, сэр. Мы вышли из пролива несколько часов назад. Капитан ожидает вас на планерке.

— Хорошо. Скажи ему, что я буду через пять минут, — ответил Маккалоу, вытаскивая из-под подушки «Беретту М9» и засовывая ее в кобуру.

Потом потянулся за рубашкой.

Он уже сбился со счета, сколько раз ему снился этот кошмар. С того рокового выстрела минуло десять лет. Но и тогда это был не первый раз, когда ему приходилось кого-то убивать. Давний-предавний случай, на иной войне и на другой земле, такой далекой теперь, что она сама казалась сном. Просто сходство обстоятельств: такая же засада, и так же он нутром почуял конец чужой жизни. Но это было нужно, этим занимаются все солдаты с самого зарождения человеческой цивилизации. Так делали его отец и дед, а прежде — их отцы и деды. Убийство, как и собственная смерть, — не более чем часть их работы.

У первого убитого им мужчины тоже были отец и мать, а может, и любимая жена с детишками. Однако он никогда не приходил к Маккалоу в ночных кошмарах вроде того, который посещал его последние несколько месяцев, словно злобный призрак.

Приходил мальчишка. А, собственно, почему? Не Маккалоу же вложил в его руки оружие, направив пацана на хорошо обученных федералов? В иных местах подростки такого возраста уже считаются мужчинами. В последнее время он часто встречал мальчишек, чьи глаза были холодными и мертвыми как бриллианты. Их детство давно закончилось, если вообще когда-либо начиналось, и в незрелых телах обитали безжалостные убийцы.

Это случилось в Сиэтле. Чума еще только начинала свое победное шествие по стране, и оставленных ею раны, подобно гною, заполнила эта самая «милиция». Тот пацан не был солдатом. Маккалоу понял это по его глазам. Обычный мальчишка, прежде «воевавший», на-

верное, только на игровой приставке. Наверное, поэтому мальчик у магазина игрушек оставил такой глубокий след в душе Маккалоу.

Он словно ознаменовал конец чего-то важного, стал межой, отделившей Маккалоу от той страны, где люди имели роскошь думать о детях как о ком-то, кого надо защищать от мерзостей жизни. Но ведь это и тогда было не более чем заблуждением, разве нет? Частью той слабости, которая привела их в итоге к падению. В этом смысле «милиционеры», возможно, были не так уж неправы. Человеческая раса не может позволить своим детям быть детьми. Когда-нибудь потом, может быть, после того как все закончится, детство вернется.

Но не сейчас. Сейчас же он приближался к отправной точке, где брал свое начало новый мир, к реторте, в которой зародился вирус, созданный для лечения болезни Альцгеймера, а в итоге пожравший, по самой приблизительной оценке, около девяноста процентов человечества. Маккалоу полагал, что вполне подкован в теории вопроса: вирусы — это не живые существа, а пакеты генетической информации, которые проникают в живые клетки и видоизменяют их, дабы произвести себе подобных. Ученые считали, что болезнь Альцгеймера можно победить, если встроить в вирусы определенный генетический материал и заместить им дефектные гены, стерев их тем самым из генокода пациентов.

Это сработало, по-видимому, на одном-единственном больном, а именно — отце изобретателя, да и то на краткое время. Потом болезнь вернулась в еще злейшей форме, чем прежде, и убила его.

Однако с обезьянами, ставшими главными подопытными, все вышло не так. Они сделались умнее. А в один прекрасный день модифицированный вирус вырвался из лаборатории на свободу. Фармацевтическая компания «Ген-Сис» скрывала происшествие до тех пор, когда

меры предосторожности было принимать уже поздно. Инфекция беспрепятственно распространилась по всему миру. В считанные дни умерли сотни, потом — тысячи, потом — миллионы. Жестокая болезнь убивала быстро, и лекарства от нее, похоже, не существовало. Что только не пробовали. Когда выяснилось, что медицина бессильна, люди нашли альтернативное решение, возложив вину за пандемию на всё и вся. Появились отряды линчевателей, хватавшие и сжигавшие любого, у кого подозревали наличие болезни, и некоторые из этих шаек превратились в военные группировки. Выжившие разделились на два лагеря. Одни решили действовать сообща, сохраняя хотя бы видимость цивилизации, вторые определили проблему как «мы против них», где «они», кем бы они ни являлись, подлежали истреблению.

Этих вторых было много больше, чем первых. Маккалоу потратил десять лет своей жизни на борьбу с наиболее опасными из них. Некоторые из последних находили оправдание в религии, кое-кто — в идеологии, лженауках, расовых или политических убеждениях. Имелись также обыкновенные бандиты и убийцы — аморальные типчики, снимающие пенку с развалившегося мира. Таких он встретил немало.

Застегивая китель, Маккалоу кое-что понял. Множество раз за последние годы он просыпался с колотящимся сердцем, чувствуя раскаяние, от которого перехватывало горло, бывало даже, со слезами на глазах. Однако сегодня он впервые ощутил себя совершенно свободным. Легким. Видимо, за много лет сражений и смертей, случившихся на его глазах, что-то окончательно ушло. Раскаяние, как и детство, осталось в том, прежнем мире. И ему, Маккалоу, было без него только лучше. Чертовски лучше.

Голубоглазый нашел Эша на твердом полу человеческого здания, куда сбросил его Коба. Полуоткрытые глаза ввалились и затуманились, в ноздрях заpekлась кровь, целая лужа которой натекла на холодный камень. На губах и на носу копошились мухи. Голубоглазый взял друга за руку и потянул, но конечность была вялой, точно гнилая лиана. Он дернул сильнее, и вдруг что-то непонятное обрушилось на него, зажало и взорвалось с яркой вспышкой в голове. Он ударил Эша в лицо, снова и снова, все сильнее и сильнее, потом, завизжав, начал колотить мертвого шимпанзе во всю мочь. Бесчувственный, равнодушный ко всему Эш молча сносил удары, что еще больше злило Голубоглазого, и он продолжал мутузить Эша. Тут чьи-то крепкие руки обхватили его и прижали к широкой волосатой груди. Голубоглазый обратил свою ярость против нового противника, он наносил удары до тех пор, пока его руки вконец не обессилели. Тогда он свалился на пол и, хныча, поднес ладонь ко лбу, шевеля пальцами, повторяя один и тот же жест: «Почему?»

В конце концов гнев утих, но лучше Голубоглазому не стало. Ему казалось, что у него отняли часть его «Я», что-то такое, о чем он прежде не подозревал, а теперь этого было уже не вернуть.

Державший его Морис печально смотрел сверху вниз.

— Почему он умер?

— Потому что Коба сбросил его вон оттуда, — орангутан указал на балкон.

Голубоглазый уставился на Мориса, удивляясь, как это старая мудрая обезьяна оказалась такой тупой. Шерсть на голове Мориса была покрыта кровью, там, где его задела пуля Кобы. Кобы-убийцы, застрелившего Цезаря, отца Голубоглазого, и свалившего преступление на людей. Кобы, начавшего войну, уже унесшую множество жизней. Кобы, своими руками убившего Эша.

«Обезьяна не убивает обезьяну, — сердито прожестикуючил Голубоглазый, рыкнув на слове «убивает». — Ты сам учил меня этому».

— Коба был покалечен изнутри. Человек его покалечил. Если бы ты прошел через его жизнь, то понял бы. А почему ты бил Эша?

— Потому что он не встает!

— Он мертв.

— Знаю! Я знаю, он умер, когда ударился об пол!

Просто тогда вокруг творилось такое, что Голубоглазый перепугался. Он боялся выстрелов, непонятных шумов, людей и Кобы. Его так испугала судьба Эша, что он не осмелился подойти к трупу. У него не было времени размышлять и понимать. Слишком много всего навалилось разом.

А теперь, когда бой закончился и он нашел тело Эша, такое тихое, маленькое, утратившее все то, что делало его Эшем, ставшее каким-то пустым...

— Почему? — снова спросил он. — Я знаю, как он умер. Но почему?

— Коба хотел преподать всем урок, — ответил Морис.

— Нет-нет, — отмахнулся Голубоглазый. — Почему он умер? Почему все они умерли? Почему это вообще происходит?

Морис отстранился и немного ослабил хватку, хотя и не выпустил Голубоглазого окончательно. Внезапно Голубоглазый обнаружил, что они окружены обезьянами, внимательно на них смотрящими. Но сразу же все перевели взгляды на мать Эша, Умелицу, которая упала на его тело, обнимая своего мальчика. Рядом с ней присел Ракета, его глаза, словно две черные дыры, безо всякого выражения смотрели на мертвого сына.

— Я не знаю, — ответил Морис. — Обезьяны умирают. Люди умирают. Все умирают.

Голубоглазый чувствовал, что Морис его не понимает. Ему все это было известно. Обезьяны и раньше умирали. Он вспомнил старую Сару, которая однажды просто перестала дышать. И новорожденное дитя гориллы Зары, не дожившее даже до рассвета. Орангутана Келинга, сломавшего руку, а через несколько дней умершего от лихорадки. Голубоглазый знаками показал, что знает, чем является смерть и что отличает живое от мертвого. Однако до сегодняшнего дня он никогда не задумывался, что смерть означает лично для него. Она означает, что Эш никогда больше над ним не подшутит, что они не пойдут вместе ловить рыбу, не будут смеяться, бороться и болтать о девчонках. Эш ушел навсегда.

— Я зол на него, — сказал он Морису. — Очень зол за то, что он прогневил Кобу. За то, что он умер. За то, что покинул меня.

— Понимаю, — кивнул орангутан, почесывая грудь, куда несколько минут назад его бил Голубоглазый.

— Прости, что набросился на тебя.

Большая обезьяна лишь развела руками. Морис дотронулся до раны на голове, а потом прикоснулся к еще не зажившим бороздам от когтей медведя на груди Голубоглазого. Шрамы от них, судя по всему, должны были остаться на всю жизнь.

«Боль здесь, на поверхности, — жестами ответил орангутан и показал на свою голову. — Но внутри, глубже, тоже болит».

Голубоглазый оглянулся на Эша, на его всхлипывающую мать, погруженную в свое горе, на его потерянного отца.

— Куда ушел Эш? — спросил он.

— Далек. Очень далеко.

— А что мы сделаем с этим? — он кивнул на труп.

— Это так важно?

Почему-то Голубоглазому казалось, что да.

— А что мы делали раньше?

— Решала семья, — Морис склонил набок голову. — Сару дети посадили на дерево в лесу, вместе с ее любимой копалкой. И с Паном поступили так же, дав ему в руки хорошее копьё. — Его глаза вдруг расширились. — Знаешь, я никогда не задумывался обо всем этом прежде. Похоже, шимпанзе всегда оставляют тела на деревьях, чтобы волки или собаки не добрались до тела. Но это сейчас. Раньше, когда мы были пленниками людей, они просто уносили наших мертвых прочь. Как делали те, кто родился диким, я не знаю. Не думаю, что они помнят.

— А как поступают люди?

— Не знаю, — Морис похлопал себя по голове. — Спроси у Малкольма. Или у своего отца. Он знает людей с такой стороны, которая не известна никому из нас.

— Мне хочется что-нибудь сделать для него, — Голубоглазый показал на Эша.

— Понимаю.

Но он так ничего и не сделал. Ракета с Умелицей унесла тело сына, а Голубоглазый почувствовал пустоту.

Он вскарабкался на руины башни. Его отец решил уводить войско. Взрывчатка, заложенная людьми, сделала здание опасным. Голубоглазый уселся на покосившуюся ферму, наблюдая за тем, как люди и обезьяны покидают развалины, расходясь в разные стороны. Вдруг он услышал шлепанье мягких лап.

— Цезарь не должен был отпускать людей.

Подошел Лис — шимпанзе чуть моложе самого Голубоглазого. Позади него маячили еще двое, Флинт и Ракушка. Для своего возраста Лис был очень мощным, что как-то не соответствовало его имени, полученному за быстрый, умный и хитрый взгляд.

— Потому что они сопротивлялись Кобе? — спросил Голубоглазый, чувствуя, что гнев в нем разгорается с новой силой.